

Уютный
разговор

Саша Паулан
Валентин Большаков
Катя Киселева
Алёна Огнева
Лера Переславцева
Гильнара Рахманова

Аромат земляники

Светлые рассказы и дажные зарисовки

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Рисунок

лет

Рисунок лет

Автор рассказа Алёна Огнева

Мне жаль, но не до слез.
Хотя у меня лицо и мокрое,
но это от реки.
Б. Вахтин «Портрет незнакомца.
Сочинения»

* * *

Все слилось и льется июльским дождем по той Покровке, которая была до того, как там положили плитку. До того, как продали бабушкин дом. До того, как.

Прикрываю глаза, несколько минут слоняюсь по комнате, где из мебели только огромная кровать, деревянный круглый стол, два стула, на полу — овальное зеркало, на высоком потолке — громоздкая люстра, напротив окна — белое кресло, у стены — шоколадного цвета комод, на комодке — ваза с цветами. Мизерные, кое-где нераспустившиеся

бутоны. Единственные розы, которые я любила по-настоящему, розы из цветочного на Солянке. Тут и там — чашки с недопитым кофе.

Комната большая и светлая. Паркет теплый от летнего солнца. Теплый и местами скользкий — вышарканный временем. На Покровском гремит трамвай.

Деревня, в которой я проводила круглые лета с рождения и лет до шестнадцати, тоже называлась Покровка. Не помню, чтобы я обратила внимание на это совпадение сразу, как только здесь случайно поселилась.

Хороша случайность.

Помню разговор с бабушкой спустя сколько-то лет. Она уже болела. Я долго стояла в арке «Чайной высоты» — там было нешумно и можно было поболтать спокойно. «Бабуль, представляешь: ты в Покровке, и я сейчас иду по Покровке, вспоминаю тебя, вот звоню». Почему-то мне кажется, это был наш последний разговор.

Я иду через комнату, иду по длинному коридору, мимо ванной, в ней приоткрыто окно, я люблю его. На кухне — любимая кошка, как всегда делает вид, что меня нет. Ставлю чайник, насыпаю в чашку кофе, заливаю кипятком, снова возвращаюсь в постель. Смотрю в окно, убегаю взглядом до потолка: не достать — высокий.

* * *

Кроме того, что дед мой был знатным любителем не просто выпить, а уйти в самый настоящий деревенский запой — бессмысленный и беспощадный, он был рыбаком и пасечником.

Дед-рыбак казался мне божеством, могущим управляться с метрами заиленных сетей. Великаном, который спускался за ними в самую глубину деревенского пруда

прямо в одежде и длинных резиновых сапогах. Или вовсе входил в пруд босым, но все равно в одежде, что каждый раз приводило меня в восторг. Потому что раздетым в воду всякий может, а в одежде — только такие, как дед.

Дед погружался в воду всегда аккуратно, но так уверенно и стремительно, что казалось, будто она перед ним расступается и даже собственноручно преподносит сети с рыбой на своих мокрых ладонях. В такие минуты я замуривала глаза — вроде как из чувства уважения к происходящему, чтоб не увидеть лишнего, а когда открывала, дед уже по пояс, а потом по грудь стоял посреди самого глубокого, по моим меркам, места, которое только и существовало.

Дед шарил под водой руками, обнаруживал что-то определенно ценное — что у меня аж дергалось и пульсировало в горле — и начинал тянуть. И вытягивал и бросал на берег то ил, то мусор, то диковинные растения. И как он отличал одно от другого, как расправлялся со скользкими рыбами — блестящими большими и малыми, — спутанными сетями, набившейся в них травой, я так никогда и не разгадала. Знала только — деду подвластно всё.

С дедом-рыбаком я почти не дышала. И хоть сердилась на деда страшно из детской солидарности с бабушкой, что пьет беспробудно, обо всем забывала, замечая его хитрый прищур. С таким он всегда собирался на пруд.

Ставить сети дед уходил внезапно, прямо в разгар каких-нибудь важных домашних дел (бабушка, конечно, всегда ворчала), а потом также неожиданно приносил оттуда ведро рыбы. Щук и гольянов мелких к яичнице с луком и помидорами, карасей разнокалиберных. Сколько мы с братьями этой рыбы перечистили — страшно подумать. Сотни рыб. Для жарки в муке до золотистой корочки, когда хвост становится хрустящим-хрустящим; на уху; на тушеных карасей в сметане; на пироги.

И только если крупно повезет, можно было очутиться с дедом на пруду, пока он ставит или вытаскивает сети или корчажки. Только по большому-большому везению. Если водный Дух или рыбий Бог — даже не знаю кто — позволит, тогда всё само будто случится, и дед позовет с собой на ближний пруд. О дальнем, Рундином, даже и не мечтали.

В детстве мне рассказывали, что в местном пруду утонул как-то летом приезжий агроном из города. Водолазов вызывали на поиски — те не нашли утопленника, а дед мой нашел.

А однажды, после крепкого дебоша, свидетелем которого стала отчасти и я, дед шел по деревне мимо своего же дома и стал махать, увидев меня в открытой калитке:

— Алёнка, идем со мной на Рундин пруд сети проверять?

И я тогда долго смотрела на деда, и мне хотелось вернуться от него и хлопнуть калиткой, и хотелось кинуться деду на шею, чтобы обнять.

Но кидаться, чтобы обнимать, у нас принято не было, поэтому я просто пошла рядом.

* * *

С дедом-пасечником мы все встречались чаще, чем с рыбаком, — почти каждый день. Дед-пасечник появлялся легко и вдруг — из кухни, сенцев, из бани, из-за стола, а не из далекого туманного ниоткуда, как дед-рыбак.

Выйдет дед на веранду, выбегаешь следом за ним — а там уже дед-пасечник матерится себе под нос, ищет среди домашней утвари нож для распечатки сот из рамок — кто трогал?!

Высокий, сильный, голубоглазый; с грубой кожей на ладонях и пальцах, чернотой под ногтями. Забронзовевший на солнце за свою деревенскую жизнь так, что ни летом, ни весной, ни осенью та бронза с него не сходит.

В отличие от деда-рыбака, который, когда появлялся, тянул за собой, как сеть, всю свою иную рыбацкую стихию, дед-пасечник был понятней и ближе.

Дед-пасечник давно уже здесь обжился и обустроился среди деревенского быта. И все его исключительно за своего, в общем, и принимали. А он тем временем разговаривал с пчелами — сразу со всем роем или с каждой пчелой в отдельности. Особенно важными считались переговоры с маткой.

Она у них командир — учил нас с братом дед-пасечник. От нее все зависит. Решит — и полетит весь рой в лес, а нет — останутся.

Дед-пасечник всегда знал точный момент: вдруг вставал из-за стола посреди завтрака, надевал на лицо защитную сетку — всю в дырах, подхватывал дымарь и отправлялся туда, где раскинулись его угодья посреди бабушкиного огорода, прямо под окнами дома.

Дед-пасечник зачем-то брал пчел в руки, то одну, то другую — так нежно и бережно, что иногда я к ним

ревновала, — аккуратно зажимал между подушечками большого и указательного, по-хозяйски рассматривал и что-то без конца бормотал. То ли сам себе, то ли пчеле. И светило солнце, и свет в этот день был тягучим, прозрачным с янтарным оттенком, точно мед. По крайней мере, именно таким всё виделось из окна бабушкиного дома или из приоткрытой калитки во дворе, откуда я высовывалась, когда осмеливалась выбежать вслед за дедом, но боялась подойти к ульям с пчелами близко.

Это уже потом, спустя время, предполагалось, что внуки деда-пасечника в свои восемь-девять лет обязаны знать о пчелах всё. Знать, любить и почитать их больше самих себя. И мы знали, любили и почитали. По указке деда ответственно усаживались сразу после второго завтрака в деревенский полдень в доме недалеко от окна и следили, чтобы пчелы не вздумали собраться и улететь. До поры за этим можно было просто наблюдать из окна боковым зрением, но, заметив суету над ульями, надо было быстро срываться из прохладной избы

в раскаленный от полуденного солнца огород, где с утра уже были приготовлены ведра с водой и вениками.

Мы окунали веники в воду и брызгали прямо на темное облако пчелиного роя, чтобы уgomонились, собрались в маленькую черную тучку и приземлились где-нибудь недалеко от бабушкиного огорода — хорошо, если на черемуховый ствол в палисаднике под окнами дома. И если получалось укротить жужжащий в воздухе шар, то покатывались потом с братом на пару от нервного смеха — с головы до ног мокрые, перепуганные. И до вечера потом никуда не бежали, следили до возвращения деда с полей за притихшей кучкой пчел на заборе или рядом, на поленнице, — чтобы заново куда не собрались. А как замечали вдалеке деда, бежали к нему на перегонки — каждый первым торопился рассказать, что он о его пчелах позаботился и теперь тоже немного настоящий пасечник.

Бежишь к деду, а он тебе навстречу медленно движется: «Упустили поди?!» — и дальше: «Пик-пик-пик».